

ФИЛОСОФИЯ И ЭТИКА ПРАВА

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.011-018

В. И. Пржиленский*

Философия технологического лидерства: социальные, управленческие и правовые контексты

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования нового взгляда на взаимодействие человека и общества в сфере разработки и внедрения новых технологий, основу которого должна составить новая философия — философия технологического лидерства. Ее отличительной чертой является такое соединение теоретико-познавательной, креативно-конструкторской, хозяйственно-экономической и административно-управленческой деятельности, которое сделало бы развитие технологий драйвером развития человека и общества. Особое значение в реализации идей и императивов философии технологического лидерства имеет правовое регулирование, которое оказывается не тормозом, а ускорителем интенсификации технологического развития. В статье раскрывается идея проактивного нормотворчества и проактивного права как особого вида правового регулирования, анализируются два его подвида. Показаны основные модели перехода от одной правовой действительности к другой посредством конструирования социальной реальности методом проактивного нормотворчества. Выявлены и подвергнуты анализу базовые модели актуализации управленческих и социально-технологических средств воздействия на социальную среду. Обозначена роль института образования в движении общества по пути философии технологического лидерства. Эксплицировано понятие технологии в контексте формирования философии технологического лидерства. Уточнены базовые параметры взаимодействия экономической, политической, технологической и управленческой среды с системой нормотворчества в русле философии технологического лидерства.

Ключевые слова: технологическое развитие; технологическое лидерство; проактивное право; проактивное нормотворчество; реактивное право; реактивное нормотворчество; конструирование реальности; правовое регулирование; мегапроекты; технологии; юридическое прогнозирование

Для цитирования: Пржиленский В. И. Философия технологического лидерства: социальные, управленческие и правовые контексты // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 9. — С. 11–18. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.011-018

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения работ по государственному заданию на тему «Развитие правовой системы в условиях обеспечения технологического лидерства Российской Федерации: национальные приоритеты и международные вызовы (FSMW-2026-0005)». Регистрационный номер: 126022017763-1.

© Пржиленский В. И., 2026

* Пржиленский Владимир Игоревич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
vladprnow@mail.ru

The Philosophy of Technological Leadership: Social, Administrative, and Legal Contexts

Vladimir I. Przhilenskiy, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Sociology,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
vladprnow@mail.ru

Abstract. The paper addresses the formation of a new understanding of the interaction between the individual and society in the development and implementation of emerging technologies, grounded in a new philosophical framework — the philosophy of technological leadership. A distinctive feature of a new understanding lies in the integration of epistemic, creative and design-oriented, economic, and administrative-managerial activities in a manner that enables technological development to become a driver of human and societal advancement. Legal regulation is of particular importance for implementing the ideas and imperatives of the philosophy of technological leadership, insofar as it should function not as an impediment, but as a catalyst for the intensification of technological development. The study develops the concept of proactive rulemaking and proactive law as a distinct form of legal regulation and examines its two principal subtypes. It outlines the principal models for transitioning from one legal reality to another through the construction of social reality by means of proactive rulemaking. The paper identifies and analyses the fundamental models for actualizing administrating and socio-technological instruments of influence on the social environment. The author elucidates the role of the institution of education in society's advancement along the path of the philosophy of technological leadership. He explains the concept of technology within the context of establishing this philosophical framework. Finally, the paper refines the basic parameters governing the interaction of the economic, political, technological, and managerial environments with the rulemaking system in accordance with the philosophy of technological leadership.

Keywords: technological development; technological leadership; proactive law; proactive rulemaking; reactive law; reactive rulemaking; construction of reality; legal regulation; megaprojects; technology; legal forecasting

Cite as: Przhilenskiy VI. The Philosophy of Technological Leadership: Social, Administrative, and Legal Contexts. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2026;21(9):11-18. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.011-018

Acknowledgements. The paper was prepared as part of a state-funded research project entitled «The Development of the Legal System in the Context of Ensuring the Technological Leadership of the Russian Federation: National Priorities and International Challenges» (FSMW-2026-0005). Registration No. 126022017763-1.

Технологическое лидерство в самом общем виде можно понимать как владение новейшими технологиями, а также способность их создавать, совершенствовать и применять. Долгое время технологическое лидерство воспринималось как результат коллективных усилий, направленных на изменение возможностей человека в его взаимодействии с внешним миром и другими людьми. Такие изменения обычно вызываются новым знанием, обеспечивающим новые умения и новые компетенции, чаще всего это связано с созданием новой техники, изменяющей способы взаимодействия человека с окружающей средой. Новые технологии рождаются в результате открытий и изобретений: первые позволяют узнать что-то об окружающем мире, вторые дают возможность

изменить те или иные свойства природных вещей.

То, что для успешного технологического развития недостаточно одного открытия или изобретения, а необходимо взаимодействие науки и техники, управления и экономики, было известно давно. Немало прорывных идей так и не нашли своего воплощения, многие превосходные замыслы так и не были реализованы. Это случилось потому, что у изобретателей не оказалось соответствующей материальной базы, в обществе не сложились экономические условия, не были найдены инвесторы, готовые поверить в идею, не удалось убедить административное руководство и т.д. Но к концу первой четверти XXI в. российскому обществу и его элитам стало ясно, что быстрое и успешное технологическое

развитие — вопрос национального и цивилизационного выживания. И тогда центральным стал вопрос о том, как превратить технологическое развитие в социальную, управленческую и интеллектуальную технологию, как сделать технологические прорывы не случайными, а закономерными. Только при таком подходе стремление к технологическому лидерству, даже превращенное в госполитику, будет успешным.

Некоторые специалисты в области экономики и управления убеждены, что для обеспечения технологического лидерства надо обратиться к опыту СССР, чье развитие напрямую было связано с так называемыми мегапроектами. «В условиях бурной индустриализации крупных стран мира и ускорения научно-технологического прогресса, — утверждает А. Г. Аганбегян, — всё большую роль в развитии страны играют мегапроекты — целевые программы, представляющие совокупность взаимосвязанных проектов (они объединены общей целью, выделенными ресурсами и прежде всего)¹.

Перечисляя связанные с высокими технологиями мегапроекты таких стран, как США, Япония, Германия, Южная Корея, и вспоминая о роли проектирования в социалистическом строительстве, известный советский и российский ученый говорит об их эффективности для осуществления прорывов технологических, которые могла бы совершить современная Россия. Но при этом фактически игнорируется тот факт, что в отличие от первой половины XX в. все перечисленные им примеры — это примеры технологических прорывов «кремниевых долин», каждая из которых, включая североамериканские, является частью глобальной экономики, где экономическое и научно-технологическое партнерство во многом обусловлено системой политического распределения сил, ресурсов и власти.

Действительно, с самого начала советская власть стремилась не только к индустриальному прорыву, но и к технологической самодостаточности первого в мире государства рабочих и кре-

стьян. Активно взаимодействуя в осуществлении собственной индустриализации, советское правительство привлекало американские и европейские компании, ни на миг не забывая о том, что за технологической помощью следует технологическая зависимость, а последняя с неизбежностью оборачивается зависимостью политической. Но это было в эпоху, когда ведущие индустриальные державы только начинали думать о технологической кооперации — на первый план выходила их конкуренция друг с другом.

Сегодня ситуация существенно иная, и это необходимо учитывать при разработке любых планов и проектов. Влияние политических и геополитических факторов можно назвать скорее неблагоприятным для опережающего технологического развития. Но и в этих условиях необходимо предпринимать системные усилия для совершенствования системы производства, системы образования и других важнейших отраслей жизни общества. Как отмечает А. Г. Аганбегян, «сохраняющаяся низкая доля инвестиций в основной капитал и “экономику знаний” (НИОКР, образование, ИКТ, биотехнологии и здравоохранение) делает невозможным устойчивое ежегодное социально-экономическое развитие, не позволяя осуществить своевременную реконструкцию и инновационно-технологическое перевооружение наиболее важных отраслей экономики»². По мнению ученого, для изменения сложившейся ситуации нужна коренная трансформация научно-технологической и социально-экономической системы. Необходимо реализовать комплекс неотложных мер, а именно:

- провести реформу собственности, переведя все государственные концерны и корпорации в «частнокапиталистические»;
- признать все полезные ископаемые госсобственностью и сделать государство единственным получателем природной ренты;
- сократить влияние олигархического капитала;

¹ Аганбегян А. Г. Мегапроекты и их роль в научно-технологическом и социально-экономическом развитии России на перспективу // Экономическое возрождение России. 2025. № 2 (84). С. 21–22.

² Аганбегян А. Г. О возрождении научно-технологического и социально-экономического роста России в перспективе // Научные труды Вольного экономического общества России. 2025. Т. 253. № 3. С. 88.

— изменить ориентацию финансовой и банковской системы на «короткие деньги» путем стимулирования ее стремления к «длинным деньгам»;

— расширить фонды долгосрочных вложений для населения (ипотека, автокредиты) в купе с приватизацией части государственных банков;

— укрупнить субъекты Федерации так, чтобы их число уменьшилось с 89 до двух или максимум трех десятков.

Отдельно А. Г. Аганбегяном выделяются меры в области образования. И здесь предложения достаточно радикальны и вполне конкретны: «При реформировании образования предстоит сделать ставку на большую самостоятельную работу с использованием онлайн-методов, сократив число обязательных занятий в 1,5–2 раза»³. Далее следует предложение о переносе упора на стажировки и дополнительное профессиональное образование в сфере компьютерных технологий, международных отношений, бизнеса и финансов, иностранного языка, создание независимого от учебных заведений специального лицензирования.

На первый взгляд, всё это полностью укладывается в направление движения по реализации п. «в» п. 21 Указа Президента РФ от 28.02.2024 № 145: «Создать возможности для выявления и воспитания талантливой молодежи, построения успешной карьеры в области науки, технологий и технологического предпринимательства, обеспечив сохранение и развитие интеллектуального потенциала науки, повышение престижа профессии ученого и инженера».

Рассмотрим главные отличия предлагаемого комплекса мер от содержания реформ высшего образования предыдущих десятилетий. Первое отличие — изменение внешней среды, связанное с обострением политического противостояния России и Запада, второе — мир,

стремительно меняющийся в ходе цифровой трансформации общества и государства. И первое, и второе заставляют вспомнить о прежде названном факторе — этике и социальной ответственности. И хотя этот фактор всегда сопровождает внедрение инноваций, одна из черт лидерства — социальная, моральная и юридическая ответственность за последствия внедрения инноваций. Внедрение технологий должно не увеличивать связанные с этим риски, а снижать их, прогресс должен улучшать жизнь людей, а не вести к ничем не сдерживаемому росту прибыли немногих. Для этого необходимо стратегическое взаимодействие таких разнородных акторов, как государство, бизнес и наука. Без такого объединения невозможно добиться эффективности в распределении ресурсов и других аспектов технологического развития.

Об осознании безальтернативности философии технологического лидерства свидетельствует сводный доклад АНО «Национальные приоритеты», подготовленный по итогам серии экспертно-аналитических сессий, проведенных в 2025 г. и посвященных различным аспектам формирования технологического суверенитета Российской Федерации⁴. В докладе перечислены ключевые направления, по которым должна развиваться Российская Федерация, чтобы достижение технологического лидерства оказалось не только возможным, но и неизбежным.

Первое направление — достижение технологической независимости — представляет собой совокупность производственных инициатив и управленческих решений, целью которых становится импортозамещение. Данное направление развития во многом является реактивным — страна вынуждена думать об импортозамещении в условиях беспрецедентных санкций, наложенных на государство и его экономику странами Запада. За импортозамещением сле-

³ Аганбегян А. Г. О возрождении научно-технологического и социально-экономического роста России в перспективе. С. 91.

⁴ Технологический суверенитет: как Россия превращает вызовы в прорыв : экспертный аналитический доклад АНО «Национальные приоритеты» по итогам серии экспертно-аналитических сессий, проведенных в 2025 г. и посвященных различным аспектам формирования технологического суверенитета Российской Федерации // URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/upload/tehologicheskij-suverenitet/tehologicheskij-suverenitet.pdf>.

дует цифровизация, которая, с одной стороны, уже стала реальностью современной России, но с другой — далека от своего завершения. Более того, создание цифровой среды для российской экономики и управления, науки и образования подвергается вынужденной корректировке в условиях возможного использования цифровых платформ и сетей в криминальных и даже террористических целях. Но невзирая на угрозы и риски, Россия создает экосистему будущего, активно используя инфокоммуникативные технологии.

Остальные направления, такие как медицина, образование, сельское хозяйство, формирование креативного и инновационного мышления, свидетельствуют о формировании новой парадигмы, суть которой может быть выражена в формуле: от адаптации к преобразованию окружающего мира. Сам термин «технология» берет свое начало от двух слов древнегреческого языка. «Техно» (др.-греч. τέχνη) в античном мире — это искусство, ремесло, мастерство, умение, а вторая часть слова — «логия» (в составе сложных слов) — происходит от древнегреческого слова *logos* (λόγος). «Логия» в афинской философской школе использовалась как обозначение соответствующей науки. Но термин «технология» возникает существенно позже, когда техника, а также рождающие ее и сопровождающие ее же научные знания становятся движущими силами развития индустриального общества.

Под технологией понимают совокупность средств, методов и инструментов, необходимых не просто для достижения какого-то результата, но для того, чтобы результат был стандартным, то есть неотличимым от предыдущего⁵. Этот символ массового производства, первоначально принятый в организации труда на заводах и фабриках по мере проникновения «духа индустриализма» во все сферы социальной жизни, стал прообразом применения понятия технологии в социальном управлении, взаимодейст-

вии индивидов, интеллектуальной деятельности и т.п. Научный поиск и творчество художника стали описывать как разновидности производства, а термин «технология» стал поистине вездесущим. Утвердилось и общее понимание технологии как применения научного знания для решения насущных практических задач.

Философия технологического лидерства формируется в условиях, когда разочарование в концепции устойчивого развития как наследия внезапно прекратившейся глобализации поставило на повестку дня создание новой стратегической повестки. После конца глобализма как доминирующей идеологии последних десятилетий возрождается тезис о цивилизационной конкуренции. Тогда и рождается концепция, в которой базовыми понятиями становятся инновации, этика и стратегическое управление, необходимые для обретения подлинного суверенитета и сохранения конкурентоспособности. В современном мире решение поставленной задачи возможно только при условии способности России создавать уникальные технологии, формировать долгосрочные партнерства, успешную техническую политику и учитывать геополитические интересы своей страны. Достижение всего этого невозможно без опережающего развития науки и образования, их эффективного взаимодействия и даже интеграции. Именно так техника и технологии могут превратиться в средство преобразования человека и общества, развития культуры и сбережения духовных ценностей.

К числу ключевых аспектов философии технологического лидерства можно отнести технологический суверенитет, объединение усилий государства, бизнеса и науки, общественное внимание к вопросам этики и социальной ответственности, человеческий капитал и формирование особой культуры инноваций.

Начнем с обеспечения технологического суверенитета. Эта задача должна решаться с учетом специфики современной экономики, науки, техники и технологий, а также с учетом

⁵ Бакланов И. С., Бакланова О. А., Бредихин С. Н., Лукьянов Г. И. Технологизация политического и политизация технического: динамика общественного сознания и социокультурных практик цифрового общества // Евразийский юридический журнал. 2024. № 2 (189). С. 521–522.

наследия глобализации и цифровизации, которые сделали мир сверхсвязным⁶.

В новом сверхсвязном мире действуют совсем другие скорости, хотя технологическое развитие подчиняется той же самой логике, как и любое другое развитие. Само применение средств и методов, рожденных инфокоммуникативными технологиями, требует невиданной прежде скорости реакции на потребности времени. Неудивительно, что современное российское законодательство не успевает вовремя реагировать на запросы участников технологической гонки. Как отмечают авторы экспертно-аналитического доклада, «динамика развития современных технологий опережает скорость обновления законодательства. А это создает правовую неопределенность для бизнеса, особенно в сфере ИИ, больших данных и облачных сервисов. Более 40 % ИТ-компаний в 2025 г. отмечали, что нормы не всегда учитывают специфику их новых цифровых продуктов. Ключевой вызов — создать и регулярно обновлять гибкую правовую среду, которая будет активно способствовать масштабированию и тиражированию успешных отечественных решений не только на федеральном уровне, но и за рубежом»⁷.

Когда поднимается вопрос о запаздывании правового регулирования, то с неизбежностью возникает соблазн сравнивать скорости изменений в системе права со скоростью движения человека, автомобиля или иного транспортного средства. Но можно ли говорить о возможности влиять на скорость, переключать ее, ускоряться точно так же, как это делается в автомобиле посредством рычага переключателя скорости, педалей газа и тормоза, когда речь идет о нормотворчестве? Видимо, нет, потому что даже

режим чрезвычайного положения не отменяет норм права и не позволяет вводить новые нормы права в авральном порядке, тем более исходя из соображений экономической эффективности или внедрения технологических инноваций. И тогда встает вопрос о возможности перехода к иному типу правового регулирования, нежели традиционное право, которое по своей природе является реактивным⁸.

Разделение права на проактивное и реактивное — результат применения к праву деятельностного подхода, когда любая законодательная инициатива, закрепляемая в нормативном правовом акте, может рассматриваться как действие, изменяющее как правовое пространство, так и социальную реальность в целом. Из этого довольно тривиального факта следует второй шаг — различение двух типов законодательных инициатив. Первый тип легализует сложившиеся социальные практики или их отдельные элементы, а второй призван эти практики изменить, активно вторгаясь в сферу норм, устоев, ценностей и сложившихся образцов поведения. Первый вид нормотворчества можно назвать реактивным, а вслед за ним и рождаемое посредством легализации сложившихся практик право отнести к реактивному. Второй тип называется проактивным, потому что введение правовых норм этого типа либо основано на прогнозе развития ситуации в будущем (опережающее нормотворчество) либо базируется на желании изменить ситуацию, сконструировать новые элементы социальной реальности. Таким образом, проактивное право, понимаемое как особый вид нормотворчества, также может быть разделено на два подвида: прогнозирующее нормотворчество и конструирующее нормотворчество.

⁶ *Otrei-Cass K. Consciousness in a Hyperconnected World: The Entanglements of Human — Machine Cognition // Hyperconnectivity and Digital Reality. Towards the Eutopia of Being Human. Cham : Springer Nature Switzerland AG, 2019. P. 67–83.*

⁷ Экспертный аналитический доклад АНО «Национальные приоритеты» по итогам серии экспертно-аналитических сессий, проведенных в 2025 г. и посвященных различным аспектам формирования технологического суверенитета Российской Федерации. С. 12 // URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/upload/tehologicheskii-suverenitet/tehologicheskii-suverenitet.pdf>.

⁸ *Пржиленский В. Право проактивное и право реактивное: трансформация национальных правовых систем в условиях больших вызовов // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 5 (138). С. 39–55.*

Прогнозирующее нормотворчество включает в себя в качестве необходимого элемента, наряду с социальным, экономическим, политическим прогнозированием, также прогнозирование юридическое. Последнее представляет собой производимое при помощи научных средств и методов определение тенденций развития системы права, правовых решений и их влияния на общество. Но не только системность и динамика права оказываются в фокусе юридического прогнозирования — одним из наиболее важных объектов прогноза оказывается возможность изменения целей и уровней правового регулирования.

А. Ю. Тихомиров выделяет основные элементы юридического прогнозирования:

а) определение возможных границ и содержания перспективного правового регулирования;

б) моделирование динамики правовых регуляторов, то есть правовых норм разного характера и содержания;

в) построение картины деятельности субъектов права с перспективой перераспределения их статусов и функций;

г) учет установленных показателей эффективности их деятельности, а также фиксация возможных отклонений;

д) преодоление формального восприятия правового воздействия путем включения в прогноз анализа правомерного, неправомерного и нейтрального поведения людей в сфере права;

е) оценка и диагностика правовых рисков.

«Юридическое прогнозирование, — пишет А. Ю. Тихомиров, — нельзя организовывать на основе использования привычного метода экстраполяции, то есть “удлинения” тенденций настоящего времени в будущее. Полезны методы экспертных оценок, моделирования, сравнительного правоведения и др. Не менее важен набор критериев, по которым оцениваются достижение целей и средства их достижения (затраты времени, социальный эффект, рост

производственного труда, качество государственного управления и т.п.). Это способствует сопоставлению вариантов решений и выбору наилучшего из них»⁹.

Конструирование реальности посредством нормотворчества и правоприменения можно рассматривать как вид социального конструирования реальности, описанного П. Бергером и Т. Лукманом. В данной концепции главными средствами конструирования реальности оказываются хабитуализация, седиментация, легитимация и реификация¹⁰. Формирование новой реальности под влиянием изменения норм права позволяет представить все названные процессы максимально отчетливо. Действительно, принятие каждой новой юридической нормы с неизбежностью вносит коррективы в сознание людей, в их намерения и действия. Новая система запретов и разрешений усваивается столь же быстро, сколь забывается старая и всё это отражается на поведении людей, их желаниях и планах на будущее. Изменяется и оценка действий других людей, их одобрение или осуждение, а это и называется формированием или трансформацией реальности, что в социологии знания именуется конструированием.

Подводя итог нашим рассуждениям, необходимо заключить, что путь к технологическому лидерству зависит от эффективного применения управленческих и социальных технологий, результатом которых должны стать изменения в структуре и содержании социальной реальности. Достижение поставленной цели невозможно без перестройки правового регулирования данной отрасли, когда применение юридического прогнозирования и проактивного нормотворчества для изменения правовой и социальной реальности создаст необходимые условия для технологического лидерства. Все перечисленные элементы образуют императивную составляющую формирующейся сегодня философии технологического лидерства.

⁹ Тихомиров Ю. А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 5–16.

¹⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Д. Руткевич. М. : Медиум, 1995. 323 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аганбегян А. Г. Мегaproекты и их роль в научно-технологическом и социально-экономическом развитии России на перспективу // Экономическое возрождение России. — 2025. — № 2 (84). — С. 21–39. — DOI: 10.37930/1990-9780-2025-2-84-21-39. — EDN: BTPGAA. С. 21–22.
2. Аганбегян А. Г. О возрождении научно-технологического и социально-экономического роста России в перспективе // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2025. — Т. 253. — № 3. — С. 70–92. — DOI: 10.38197/2072-2060-2025-253-3-70-92. — EDN: AOCFAF. С. 88.
3. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Бредихин С. Н., Лукьянов Г. И. Технологизация политического и политизация технического: динамика общественного сознания и социокультурных практик цифрового общества // Евразийский юридический журнал. — 2024. — № 2 (189). — С. 521–522. — DOI: 10.46320/2073-4506-2024-2-189-521-522. — EDN: GWUACP.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Д. Руткевич. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.
5. Пржиленский В. Право проактивное и право реактивное: трансформация национальных правовых систем в условиях больших вызовов // Сравнительное конституционное обозрение. — 2020. — № 5 (138). — С. 39–55.
6. Тихомиров Ю. А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. — 2014. — № 3. — С. 5–16.
7. Otrell-Cass K. Consciousness in a Hyperconnected World: The Entanglements of Human — Machine Cognition // Hyperconnectivity and Digital Reality. Towards the Eutopia of Being Human. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2019. — P. 67–83.

Материал поступил в редакцию 20 апреля 2026 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aganbegyan A. G. Megaproekty i ikh rol v nauchno-tekhnologicheskome i sotsialno-ekonomicheskom razvitii Rossii na perspektivu // Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. — 2025. — № 2 (84). — S. 21–39. — DOI: 10.37930/1990-9780-2025-2-84-21-39. — EDN: BTPGAA. S. 21–22.
2. Aganbegyan A. G. O vozrozhdenii nauchno-tekhnologicheskogo i sotsialno-ekonomicheskogo rosta Rossii v perspektive // Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. — 2025. — T. 253. — № 3. — S. 70–92. — DOI: 10.38197/2072-2060-2025-253-3-70-92. — EDN: AOCFAF. S. 88.
3. Baklanov I. S., Baklanova O. A., Bredikhin S. N., Lukyanov G. I. Tekhnologizatsiya politicheskogo i politizatsiya tekhnicheskogo: dinamika obshchestvennogo soznaniya i sotsiokulturnykh praktik tsifrovogo obshchestva // Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2024. — № 2 (189). — S. 521–522. — DOI: 10.46320/2073-4506-2024-2-189-521-522. — EDN: GWUACP.
4. Berger P., Lukman T. Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya / per. E. D. Rutkevich. — M.: Medium, 1995. — 323 s.
5. Przhilenskiy V. Pravo proaktivnoe i pravo reaktivnoe: transformatsiya natsionalnykh pravovykh sistem v usloviyakh bolshikh vyzovov // Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie. — 2020. — № 5 (138). — S. 39–55.
6. Tikhomirov Yu. A. Prognozy i riski v pravovoy sfere // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2014. — № 3. — S. 5–16.
7. Otrell-Cass K. Consciousness in a Hyperconnected World: The Entanglements of Human — Machine Cognition // Hyperconnectivity and Digital Reality. Towards the Eutopia of Being Human. Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2019. — P. 67–83.